

УДК 930.1:338.486

**ИСТОРИЯ И ТУРИЗМ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

Герай З.

В статье рассматриваются современные исторические исследования, изучающие связи между туризмом и передачей исторической информации. Последние исследования исторической методологии стали обращать внимание на эффекты адаптации исторических знаний и формирования идентичности в ходе туристической деятельности. С развитием массового туризма этот канал также стал эффективным инструментом для правительств и академических кругов с целью популяризации исторических концепций, исторических данных и формирования у общественности знаний о прошлом. В статье автор подводит итоги того, как развивались научные исследования о туризме вплоть до наших дней.

Ключевые слова: туризм, история, исторические науки, историческая память, исторические нарративы, метанарративы, история и идентичность.

**HISTORY AND TOURISM:
CURRENT PERSPECTIVES**

Geraly Z.

This article examines contemporary historical research exploring the links between tourism and the transmission of historical information. Recent studies of historical methodology have begun to draw attention to the effects of adapting historical knowledge and identity formation in the course of tourism activities. With the popularisation of mass tourism, this channel has also become an effective tool for the governments and academia to promote historical concepts, historical data and build public knowledge about their own past. In this article the author summarises how scientific research on tourism has developed up to the present days.

Keywords: tourism, history, historical sciences, historical memory, historical narratives, metanarratives, history and identity.

При изучении вопроса особое внимание следует уделить связям между историей, формированием идентичности, путешествиями и туризмом, поскольку все больше исследований сосредоточено на механизмах знаний, полученных в ходе туризма и посещения музеев, и их влиянии на индивидуальную и коллективную идентичность [см.: 1; 2; 4; 8; 11]. При этом также следует затронуть тематическую область, изучающую влияние историографии и исторических нарративов как фактора, влияющего на местное коллективное историческое сознание и процесс исторической репрезентации. Другая цель исследования исходит из движения исторической науки в сторону этих неохваченных сторон исторических дисциплин, где историческое исследование фокусируется на пересмотре работы прошлого и его влиянии на манипулирование историческими нарративами, региональной исторической памятью и конфликтами той или иной области. Необходимость этого обусловлена использованием таких нарративов не только в рамках науки, но и в более широкой области медиа, пропаганды, литературы и повседневной жизни общества.

Актуальность рассматриваемой темы подтверждается книгой Клэр Линдсей о журналах, туризме и строительстве нации в Мексике [10]. Автор поднимает вопрос о «связи между туризмом строительством нации... культурными, историческими и методологическими контекстами» [10, р. 17]. Основываясь на исследованиях о связи Мексики с вышеперечисленными процессами, Линдсей признает связь истории и организованного туризма, более того, она считает что «туризм часто мобилизуется развивающимися странами как форма национального строительства, особенно в условиях экономического и/или политического кризиса» [10, р. 18]. Цитируя другие работы, она выдвигает идею туризма, описывая эффект человеческого познания информации, полученной на месте, во время туристической деятельности, где «желание вовлечения» больше, чем негативные эффекты, полученные от увиденных мест и ситуаций. В этой сложной системе историческое познание более открыто, чем во

время обязательной деятельности, а в отношении регионов, где происходили конфликты и видны следы их последствий, эмоциональный фактор более чувствителен, так что историческое повествование, идея, может быть изложена с большим успехом.

Здесь мы должны упомянуть об одном растущем направлении современного туризма. Это поиск туристами мест, где происходили различные трагедии, войны, катастрофы. Такая особая сфера туризма называется «черным туризмом». Посещение таких мест туристами вызывает у них интерес именно с точки зрения соприкосновения с какой-то опасностью, бунтом, вовлечением в необычную, чрезвычайную ситуацию. В последние годы этой теме был посвящен ряд исследований [см.: 13; 14; 15].

Взаимосвязь между туризмом, историческим сознанием, идентичностью, государственной исторической репрезентацией стали замечать в последнее десятилетие в результате роста массового туризма. Центральное место в данной теории занимает концепция досугового обучения, которая может быть связана как с туризмом, так и с посещением музеев. Эта концепция подробно рассматривается Дж.Х. Фальком [см.: 5]. Его ключевая формулировка о приобретении знаний и обучении обосновывает значимость нашего исследования и важность отхода от исторических исследований, основанных на традиционном анализе исторических источников. Анализируя более эффективные каналы, влияющие на формирование образов исторической идентичности и определяющие процессы приобретения знаний, мы можем понять непосредственное воздействие метанарратива в ином свете, рассмотрев систему эффектов. Согласно Фальку, обучение как пожизненный, естественный процесс, происходит сознательно, бессознательно, а иногда даже случайно, в соответствии с намерениями человека. На протяжении всей своей жизни люди получают большую часть своих знаний вне школы и уже в формальной среде обучения. Действительно, в этой среде существует повышенное чувство «мотивации, ожиданий, роли фоновых знаний и опыта, выбора (возможности) и контроля со стороны индивидов» [16, p. 340].

Основным понятием в этой теории является свобода и возможность контроля, возникающая в процессах приобретения знаний индивидом. Поскольку если конкретный музейный экспонат или место исторического события не оказывает привлекательного или приемлемого воздействия на посетителя или не соответствует ожиданиям, то индивид имеет возможность отвергнуть повествование в контексте собственного знания, понимания, интерпретации, конкретно на индивидуальном когнитивном уровне. Более того, в этом случае раскрывается уникальность каждого исторического объекта, включая объекты, конкретно связанные с археологией, религией, памятными местами, что оказывает сильное эмоциональное воздействие на посетителя и тем самым на процесс приобретения знаний [3, р. 60]. Но и в этом процессе государственный нарратив не имеет сильного влияния, поскольку он может использовать инструменты запрета, чтобы заслонить знание или интерес, но также может влиять и направлять человека гораздо более эффективно, если вовлечет его индивидуальным способом в понимание и переживание нарратива. Бесспорно и то, что одной из основ туризма (путешествия с целью отдыха, посещения достопримечательностей) является приобретение культурных знаний и культурного опыта, и этому служат исторические памятники и учреждения культуры [8, р. 160].

Привлекательность реального исторического объекта, или объекта, реконструированного и поддерживаемого в историческом виде, является решающим фактором для принятия решения о поездке. Что предполагает наличие у туриста знаний об определенном объекте и его истории, или, в отсутствие таковых, предполагает желание получить новые знания о неизвестном историческом объекте или событии. В обоих случаях мы можем наблюдать, что исторические знания или желание их получить играют определенную роль в реализации поездки. В этом процессе историческая политика государства имеет потенциал для стимулирования интереса и даже продвижения определенных туристических объектов. Государство может направить общественный интерес и затем представить туристам нарратив,

разработанный государством, используя их стремление к знаниям и интерес, который предполагает, что посетители открыты для получения новой информации. Этот канал исторических знаний становится все более важным в государственной политике по мере развития туризма, в то время как анализу происходящих процессов формирования исторической идентичности уделяется не так много внимания.

Например, сложные процессы туризма, истории и формирования идентичности в Советском Союзе освещены А.Е. Горсуч в ее работе о советском туризме [6]. В своей книге она уделяет особое внимание туризму в СССР в постсталинский период в контексте массового государственного туризма. Автор утверждает, что туризм был фундаментальным элементом формирования не только индивидуальной, но и социальной идентичности советского человека. Подобная презентация «социалистической родины», развития и достижений Советского Союза во время различных поездок напрямую способствовала принятию мифа о реализации социалистического видения метанарратива [6, р. 27]. Цель состояла в том, чтобы обнаружить связь между готовностью людей к обучению с индивидуальными путешествиями, где письменные или визуальные средства информации, способствующие приобретению знаний, также контролировались государством в отношении исторических нарративов [7, р. 684].

Поощрение процесса обучения на этом уровне соответствует теории Дж.Х. Фалька и Л.Д. Диркинга, которая подтверждает на практике высокую эффективность индивидуальной интерпретации и понимания в процессах обучения в свободно выбранной среде [16, р. 340]. В качестве примера можно привести работу Ф. Хирш, где применительно к раннему периоду советского массового туризма формулируются следующее. Продвижение туризма как раз и было призвано вызвать быстрые изменения смысла, поскольку его идеологически заложенные революционные послания обещали быстрые и впечатляющие изменения для общества как в экономической, так и в культурной сферах. В основе этого послания лежала антиколониальная или

антиимпериалистическая парадигма, которая, в отличие от прежних отношений «центр-периферия», должна была способствовать быстрому подъему периферии и культурному развитию бывших периферийных районов [7, p. 684].

Формальная и идеологическая унификация гражданства, равенство, провозглашенное во имя социальных преобразований, были основой новой советской идентичности, а каналы получения знаний, связанные с путешествиями, были призваны сделать эту новинку известной обществу [7, p. 683-684]. С точки зрения приобретения знаний и исторической репрезентации есть две важные особенности, которые тесно связаны с туризмом. С одной стороны, туризм стимулирует приобретение знаний, а с другой стороны – предоставляет государству возможность посредством исторических или культурных памятников представить определенные регионы в выгодном свете на исторической основе и, таким образом, эффективно донести свои идеи до отечественных или зарубежных посетителей [8, p. 158].

В системе «туда и обратно» туристический бум приносит оценку архитектурного наследия, оставшегося от исторического прошлого, что заставляет тех, кто владеет или контролирует такое наследие, переоценить, реконструировать и представить взаимосвязь между историческим прошлым и объектом. Это логически основано на доказанной предпосылке, что с точки зрения посетителя одним из острых вопросов процесса приобретения знаний является опыт и чувства, полученные во время посещения конкретного исторического объекта, узаконенные реальным или реконструированным чувством «*подлинного опыта*» [16, p. 351].

Связь между посещением, приобретением знаний, историческим прошлым неизбежно приводит к изменениям в видимой исторической репрезентации, поскольку это эффективный и удобный инструмент для власти, формирующей нарративы [8, p. 159]. И этот инструмент использовался и используется властями, причем вместо инструмента запрета он используется для того, чтобы направить внимание и процессы приобретения знаний посетителей и путешественников в нужное русло. Тем более что информация, обработанная

самостоятельно отдельными людьми, да еще и подтвержденная подлинностью посещенного исторического объекта, может стать достаточно эффективной частью идентичности, а в ее рамках – исторической идентичности.

Особым и эффективным инструментом стало появление с начала XX века путеводителей для путешественников не только в Советском Союзе, но и в других странах в поразительно большом количестве и объеме. Эти издания были и остаются специально предназначенными для отдельных лиц и групп, желающих путешествовать индивидуально и, таким образом, самостоятельно приобретать знания с целью «открытия» ранее неизвестного им места. С первых дней существования Советского Союза развитие индивидуального туризма рассматривалось также как способ продвижения так называемого «пролетарского туризма». Здесь главной целью было просвещение государственной идеологией социальных слоев, считавшихся невежественными или отсталыми. Это делалось с помощью так называемого «пролетарского туризма», который идеологически подходил для развития путешествий и посещений выбранных объектов. Такой вид туризма бы основан на автономии отдельных лиц или небольших групп, но все еще направляемых государством для получения знаний [9, p. 132-133].

Структура таких путеводителей позволяет предлагать и представлять туристические объекты в том или ином регионе. Очевидно, что как в советский период в целом, так и в последующее время, путеводители в основном были посвящены историческим или культурным объектам. Эффект путеводителя как средства передачи знаний заключается в том, что он вовлекает читателя в серию действий в настоящем времени, и не только влияет на протяженность пройденного маршрута, но и образно проводит туриста по «маршруту» изучения прошлого в пространстве (город, памятное место, регион, религиозный комплекс и т.д.). При этом объединяется процесс эмоционального и рационального, когнитивного опыта, пространство и историческое время реализуются в настоящем под влиянием одного и того же мифа [12, p. 129]. Все это дополняется чувством свободы индивидуального выбора, поскольку человек

волен выбирать между предлагаемыми объектами, что расширяет восприимчивость еще больше.

В этом процессе следует подчеркнуть, что путеводители, связанные с определенным местом, регионом или страной, не только предоставляют общую информацию, чтобы повлиять на то, как люди будут проводить свое время, но и подчеркивают связанное историческое прошлое в письменной форме, таким образом, связывая место и историю. Это, в свою очередь, явно служит определенному историческому повествованию несколькими способами. Следует заметить, что визуальная презентация путеводителей, набор предлагаемых мест, набор историй, которые нужно рассказать, представлены в тесном сотрудничестве с метанарративом настоящего. Это можно увидеть, в частности, в вариативности мест, рекомендованных и представленных в путеводителях, что способствует формированию исторической памяти, облегчая процесс забывания или вспоминания [12, p. 171-179].

Поскольку с начала XXI века большие массы людей начали посещать непосредственно исторические места, мы не можем пренебрегать этим как фактором исторического познания. С другой стороны, туризм, основанный на сообществах, означает туристическую деятельность в отношении все еще не достаточно регионов мира. Однако в этих рамках туризм выступает как деятельность по организации досуга, предоставляя опыт отдыха. Фальк в своем исследовании рассматривает только пример с музеем. Здесь же мы применяем эту идею к деятельности по посещению исторических мест с целью туризма. Это, несомненно, связано с академическим полем, которое отвечает за создание официальных канонов, создание контекста и наполнение его информацией. Этот круг дает много впечатляющих вариантов для дальнейшего исследования.

Трансформацию исторического канона можно проследить в следующих формах: смещение центра исторической оценки; частичное или полное исключение мемуаров определенного периода или периодов; канонизация новых реальных или предполагаемых событий исторического значения;

смягчение или расширение перечисленных событий; добавление или устранение значимых исторических героев.

Список литературы:

1. Зорин И.В., Зорина Г.И. Идентичность и туризм // Вестник РМАТ. 2016. № 1. С. 5-10.
2. Плохотнюк В.С. Музейная коммуникация как конгломерат гетерогенных дискурсов // Мировые тренды и музейная практика в России: сборник статей Международной научной конференции, Москва, 30–31 октября 2018 года / Отв. ред. А.А. Сундиева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. С. 221-230.
3. Blasco L.M.F., Virto N.R., Manzano J.A., García-Madariaga J. Archeological tourism: looking for visitor loyalty drivers // *Journal of Heritage tourism*. 2020. Vol. 15. Issue 1. P. 60-75.
4. Eldarov E.M., Gadzhiev M.S. Local history and museology in Dagestan: trends and prospects of interrelated development // *Museology and Cultural Heritage*. 2021. Vol. 9. No 4. P. 99-113.
5. Falk J.H. *Free-choice learning and the environment*. Lanham: Altamira Press, 2009. 224 p.
6. Gorsuch A.E. *All this is your world: Soviet tourism at home and abroad after Stalin*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 222 p.
7. Hirsch F. Getting to know “The peoples of the USSR”: Ethnographic exhibits as Soviet virtual tourism, 1923-1934 // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. No. 4. P. 683-709.
8. Ismagilova G., Safiullin L., Gafurov I. Using historical heritage as a factor in tourism development // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 188. P. 157-162.
9. Koenker D.P. The proletarian tourist in the 1930: Between mass excursion and mass escape // *Turizm: The Russian and East European tourist under capitalism*

and socialism / Ed. by A.E. Gorsuch and D.P. Koenker. New York: Cornell University Press. 2006. P. 119-140.

10. Lindsay C. Magazines, tourism, and nation-building in Mexico. London: Palgrave Macmillan, 2019. 147 p.

11. Noack C. A mighty weapon in the class war: Proletarian values, tourism and mass mobilisation in Stalin's Time // *Journal of Modern European History*. 2012. Vol. 10. No. 2. P. 231-254.

12. Qualss d. K. Where each stone has history: Travel guides in Sevastopol after World War II // *Turizm: The Russian and East European tourist under capitalism and socialism* / Ed. by A.E. Gorsuch and D.P. Koenker. New York: Cornell University Press. 2006. P. 163-185.

13. Sharpley R., Stone P.R. The darker side of travel: Theory and practice of dark tourism // *Annals of Tourism Research*. 2010. Vol. 37. Issue 3. P. 867-869.

14. Stone P.R., Hartmann R., Seaton T. *The Palgrave handbook of dark tourism studies*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 768 p.

15. White L., Frew E. *Dark tourism and place identity: Managing and interpreting dark places*. Oxon: Routledge, 2013, 32 p.

16. Winkle V., Christine M., Lagay K. Learning during tourism: The Experience of learning from the tourist's perspective // *Studies in Continuing Education*. 2012. Vol. 34. Issue. 3. P. 339-355.

Сведения об авторе:

Герай Золтан – докторант Института истории Католического университета Петера Пазманя (Будапешт, Венгрия).

Data about the author:

Geraly Zoltan – Doctoral Candidate of Institute of History, Péter Pazmány Catholic University (Budapest, Hungary).

E-mail: zoligeraly@gmail.com.